

15 МАИ 1982

Комсомолец
г. Ереван

КОМСОМОЛЕЦ

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

З О В З Е М Л И

Мы в гостях у семьи кинематографистов, которые со своего «московского далека», вписывают яркие страницы в летопись армянского кино. Режиссер Эдмонд Кеосаян — заслуженный деятель искусств Армянской и Грузинской ССР, лауреат премии Ленинского комсомола — и заслуженная артистка республики Лаура Геворкян. Вот уже два десятка лет работы в кино — работы многосложной, многожанровой, увенчанной широким признанием и разнообразными наградами. И все эти годы, проведенные на разных съемочных площадках, весь этот трудный процесс перехода от одной картины к другой, а их на счету Эдмонда Кеосаяна — II, думается, был нелегким путем к себе, к своему я, художника.

Как же он начинался, этот путь?

— В общем, насколько я сам себя помню, класса со второго. — Это было во время войны, в эвакуации, в России, — я любил играть на гармошке, пел, сочинял стишки, и в школе меня все называли артистом. У меня тогда была кличка «артист». Не знал я тогда ни о существовании ВГИКа, ни о театральных институтах, понимал только, что судьба у меня должна быть связана с искусством. Памятно, что в День Победы в нашей деревне, которая называлась Вознесенка, я на праздничном вечере играл и пел песню «С неразлучным своим автоматом». И мне показалось, что я сумел схватить аудиторию. Так вот такое ощущение «состоявшегося», стоящего на сцене типа, который может приковать к себе внимание огромной разношерстной публики, мне нравилось с детства.

— А как дальше складывалась ваша судьба? Как вы пришли в искусство?

— Долго и сложно складывалась моя творческая судьба. Окончил я школу рабочей молодежи, поехал в Москву поступать во ВГИК на актерский, меня не приняли. Назад ехать неудобно: как же все объяснить своим землякам, друзьям по улице, по заводу — работал я в Ереванском часовом заводе. Думаю, ладно, проживу в Москве год, постою куда-нибудь, чтобы снова попытаться счастье во ВГИКе. Поступил в экономический институт, снова пришел во ВГИК, снова не приняли, перешел на третий курс экономического института, снова пришел во ВГИК, сдал экзамены, не приняли. Деваться некуда. Думаю, поеду домой, в Армению, поступлю в театральный институт. Поступил в театральный институт, в мастерскую одного из великих мастеров армянской сцены, великих педагогов — Вагарша Богдановича Вагаршяна, народного артиста СССР, профессора. Премного ему благодарен, потому что он меня и обучил. Пришлось забыть все, что я умел или казалось, что умел, и думать по-новому, учиться. Учил он здорово. Прочувствовал я два года. И чувствую, что тянет в ре-

жиссуру. То есть все время хочется репетировать, ставить, видеть вещь в целом. Хотя студенты отрывки ставили, но очень хотелось объединить все это и быть тому главой, что называется. И это было замечено Вагаршяном, и слава богу, он меня поддержал, дал мне рекомендательное письмо. Ну и приехал я во ВГИК, теперь уже имея за плечами два года театрального образования, 8-месячную поездку с эстрадным оркестром под руководством Константиана Орбеляна в качестве конферансье. Во ВГИКе, на мое счастье, курс набирал Михаил Ильич Ромм. Условились, что если я сдам мастерство — три тура, — то меня зачислят сразу на второй курс. Сдал, к счастью, зачислили. Попал я в мастерскую, которую на втором курсе вел Козинцев — великий Козинцев. Прочувствовал я него два года. Потом он оставил наш курс, потому что начинал уже тогда «Гамлета» и не мог, живя в Ленинграде, вести и наш режиссерский курс. Принял мастерскую Даиган. Год я учился у Дзигана, и, завершив 4-й курс, попал на «Мосфильм» и снял свою первую картину — телевизионную, короткометражную, которая называлась «Лестница». Она мне памятна не только тем, что получила на международном фестивале в Монте-Карло Гран При за режиссуру, памятна тем, что первая.

Вторая картина называлась «Три часа дороги», тоже телевизионная. Она тоже получила в Канне Гран При. Все это помогло обрести веру в себя и претендовать на более сложное. Затем была картина «Где ты теперь, Максим?» — о друзьях в годы эвакуации и безотцовщины, о том голодном, но бесконечно прекрасном времени, где души были распахнуты.

Ну, а потом были картины самых разных жанров. «Стряпуха» — бытовая комедия, затем важные для меня три картины про неуловимых мстителей. Потом совершенно другой жанр — «Мужчины», эксцентрическая комедия (по-моему, настоящее кино, потому что слов там ограниченное количество, сплошное действие, то есть то, что обозначает кинематограф — действовать, не подменять действие дурной литературой).

Потом была лирическая драма, я бы даже сказал мелодрама по мотивам Серо Николаевича Ханзадяна, которая называлась, «Ущелье покинутых сказок».

Очень дорога сердцу картина «Когда наступает сентябрь» о старике Левоне Погосяне, который из Аштарак приехал в Москву проводить внука в первый раз в первый класс, о мирном нашем времени, когда нет войны, а люди продолжают страдать от осколков, от нашествия, которое осталось им от войны. Картина, на мой взгляд, очень современная, упаси нас господь забыть то, что мы пережили и потерять главное, что у нас было — наказ наших родителей: добро и память. Об этом добре мы попытались вместе с друзьями сделать картину. Может быть, поэтому этот фильм получил такое количе-

ство мировых призов: Приз Королевской академии искусств Лондона за лучшую иностранную картину года, на первом международном кинофестивале в Каире получил Гран При «Золотую Нимфу», переходящий ежегодный приз Ватикана — за повесть добра — так они называют золотую скульптуру молящегося христианина. Армен Борисович Джигарханян удостоился приза за лучшую мужскую роль в Белграде, а вся картина целиком у нас, на Всесоюзном кинофестивале, получила первую премию.

— Четыре года вы отдали работе над фильмом «Звезда надежды» по мотивам романа Серо Ханзадяна «Мхитар Спарпет».

Как вы сами считаете, закономерным ли было ваше обращение к жанру исторического кино?

— Вообще, я считаю, что нужно снимать то, чего нельзя не снимать. А почему нельзя не снимать? Да потому, что мы несем с собой память.

Как же можно на весь мир не сказать, что дружба наша с Россией идет не потому, что кому-то стало это удобным, а потому что мы сами пришли когда-то к великому Петру и сказали: давай мы будем союзниками, мы не предадим тебя никогда на южных границах, но возьми под крыло свое, потому что спасу нет от осман. Это ж вон откуда идут корни, не мы придумали. Так как же про это не пропеть?

Так что я счастлив, что снял этот фильм. Более 70 стран приобрели его. Это заслуга всех тех, кто нес в благодарной памяти эту идею, заслуга Серо Николаевича, моих единомышленников. Огромное спасибо «Мосфильму», который поднял эту тему, спасибо всей Армении.

Моя новая лента «Где-то плачет иволга» о Марине Шафровой. Она — дочь царского генерала, который не принял по заблуждению Советскую власть, ушел с Врангелем на Запад, унес на руках из России 6-месячную дочь, так как мать Марины умерла от тифа. Они скитались по белу свету. В 1940 году находились в Бельгии, в Брюсселе, когда Брюссель оккупировали немцы, Марине было 20 лет. А в 22 года она была гильотинирована как лидер бельгийского сопротивления. Награждена всеми орденами королевской Бельгии, и посмертно, в 1977 году, вышел указ о награждении Марины Шафровой орденом Великой Отечественной войны первой степени.

Вот о ней фильм, о девочке, которую называли бельгийской Жанной Д'Арк. Рад, что снова буду работать с моим любимым актером Арменом Джигарханяном, с композитором Яном Френкелем, с которым уже сделал не одну картину.

Есть у меня мечта снять «Давида Сасунского». Хотелось бы также идею «Мхитара» продолжить. Она достойна продолжения. Я считаю, что если есть возможность рассказать о нас миру, то надо рассказывать людям и слушать чужие рассказы. Только так можно познать мир.

Интервью взяла
К. САРКИСЯН.